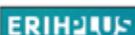
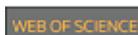

Григоровская А. В. В поисках целостности : повесть Айн Рэнд «Гимн» и роман Дж. Керуака «В дороге» / А. В. Григоровская // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 212—228. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-212-228.

Grigorovskaya, A. V. (2020). In Search of Integrity: Ayn Rand's novel "The Anthem" and J. Kerouac's novel "On the Road". *Nauchnyi dialog, 1*: 212-228. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-212-228. (In Russ.).

УДК 821.111(73)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-212-228

В ПОИСКАХ ЦЕЛОСТНОСТИ: ПОВЕСТЬ АЙН РЭНД «ГИМН» И РОМАН ДЖ. КЕРАУАКА «В ДОРОГЕ»

© Григоровская Анастасия Васильевна (2020), orcid.org/0000-0002-9282-313X, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), a.v.grigorovskaya@utmn.ru.

Статья посвящена анализу повести «Гимн» (*Anthem*, 1938) американской писательницы и философа родом из России Айн Рэнд (Алисы Розенбаум). Цель статьи — рассмотреть повесть как манифест объективизма, включив ее в контекст философских и культурных исканий XX века, вызванных кризисом проекта Просвещения. Задачами выступают анализ путей преодоления данного кризиса в философских и художественных исканиях Айн Рэнд и соотношение данных исканий с концепциями «социальной деструкции» и философией «бит-поколения». Повесть «Гимн» рассматривается в контексте сформулированной писательницей концепции философии объективизма и созданного ей образа «integrated man» — человека целостного. Актуальность исследования обусловлена тем, что автор включает идеи объективизма в контекст времени, показывая их соотносимость с дискуссиями о проекте Просвещения и особую роль этих дискуссий в американской культуре середины XX века, находящейся в ситуации «раскола». Представлены результаты сопоставительного анализа повести с одним из главных произведений «бит-поколения» — романом Дж. Керуака «В дороге» (“*On The Road*”, 1957). В результате выявляется разница в путях поисков целостности героями двух текстов: если герой Рэнд интегрирует эмоциональное и рациональное начала, то герой Керуака разделяет их, все больше усугубляя конфликт между ними.

Ключевые слова: Айн Рэнд; объективизм; битники; проект Просвещения; Джек Керуак.

1. Введение. Контекст времени

Середина XX века ознаменована мировоззренческим кризисом, который охватил весь мир. Кризис был связан, как известно, с последствиями Второй мировой войны, но в общем касался крушения великого метанарратива, проекта Просвещения, и эхо от его краха было слышно в каждой

стране. Однако особенным образом этот кризис отразился в американской культуре, наследнице Духа Просвещения, «отцы-основатели» которой положили просвещенческие ценности в основу американской ментальности. Для Америки он выразился в недоверии к «американской мечте», полностью базирующейся на таком «столпе» Просвещения, как вера в человеческий разум.

Зарей просвещенческой идеологии стала эпоха Возрождения, которая, по мнению Р. Тарнаса, впоследствии сформирует два противоположных подхода к природе человеческого существования: рационалистический подход Просвещения, ставший, по сути, полной противоположностью идеалам Ренессанса, и романтический подход, уходящий корнями в греко-римскую культуру, то есть в античность [Тарнас, 1995]. Оба подхода проповедуют гуманизм и культ Героя, архетипом которого становится Прометей, однако между ними наблюдается осязаемое противоречие: если первый подход ставит целью подчинить природу с помощью разума, то второй обращается к искусству в попытках изобразить эмоции человека. Рационализм Просвещения провозглашал все большую зависимость человека от природы, тогда как романтизм свидетельствовал о все большем отчуждении человека от нее. Налицо был распад единой парадигмы, формирующей «расколотое мировоззрение». Попытки синтеза, которые, по мнению Р. Тарнаса, осуществлялись Гете и Юнгом, в целом закончились провалом и окончательным утверждением дихотомии двух подходов в философии экзистенциализма и нигилизма, что и привело человечество к постмодернизму как господствующей форме мышления и культуры конца XX — начала XXI веков.

Относительно Просвещения как мировоззренческого проекта сложилось два основных подхода. Первый включает в себя так называемые «концепции социальной деструкции», рассматривающие проект Просвещения как деструктивный. С. Е. Вершинин и Г. А. Борисова устанавливают истоки этих концепций (представленных Франкфуртской философской школой) в идее негативности Г. Гегеля, идее жестокости Ф. Ницше и идее инстинктов жизни и смерти З. Фрейда [Вершинин и др., 2009]. Классический труд М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения» (1947) своеобразно отвечает на травму национал-социализма. Самодеструкция Просвещения как мифа, по мнению авторов, заключается в доведении до абсурда идеи триумфа Разума, которая оборачивается безумием тотального контроля человека над природой и человека над человеком. При этом изначально в основе программы Просвещения лежит страх человека перед миром, выраженный в древних мифах [Адорно и др.].

Второй подход позиционирует позитивное отношение к просвещенческому проекту и объясняет все проблемы современности искажением идей Просвещения. Так, Ц. Тодоров в своей работе «Дух Просвещения» (2010) отвергает упреки в деструктивности ценностей Просвещения: «Прежде всего следует отметить, что самая прекрасная идеология может использоваться в качестве прикрытия» [Тодоров, 2010, с. 27]. Конструирование «политических религий» (под которыми автор понимает тоталитарные режимы) вместо создания демократического общества, по мнению Тодорова, исказило первоначальный смысл проекта Просвещения.

Проблема конфликта вокруг проекта Просвещения, на наш взгляд, лежит в плоскости дихотомии, относящейся к тому субъекту, который в эпоху постмодернизма, когда ведутся ожесточенные баталии вокруг просвещенческих ценностей, оттеснен на максимально возможную периферию, — к человеку. Привычка разделять человека на две части — разум и эмоции — позволяет исследователям говорить о том, что тоталитаризм — всего лишь теневая сторона Просвещения как проекта рациональности. Именно отсутствие целостности толкает человека к различным крайностям, которые представлены двумя качествами его природы. На основе этих крайностей создаются различные тоталитарные режимы, религиозные институты и всевозможные философские концепции.

Соединенные Штаты Америки середины XX века находились в глубоком кризисе «американской мечты», что отражается и в литературе. Появление «бит-поколения» связано с разочарованием американской молодежи в идеалах, которые представляли ценность для предыдущего поколения. Формирование «одномерного человека», впоследствии описанного Г. Маркузе в одноименном труде 1964 года, явилось причиной протеста битников против существующего положения дел. Усталость от многолетнего доминирования просвещенческой идеологии, превозносившей разум, сделала возможным «провал» в иную крайность — бездну эмоционального мира, наполненного наркотиками, беспорядочным сексом и постоянным движением. Дж. Рассел назовет последнее буквально «потребностью в движении», которая, безусловно, была связана с американским символом фронта, потребностью американца открывать новые горизонты даже когда все открыто — только уже внутри себя самого [Russell, 2002].

Движение битников не столь однородно, как может показаться на первый взгляд. Так, Д. Хаустов, автор книги «Битники. Великий отказ, или Путешествие в поисках Америки» (2017), справедливо указывает на эксплуатирование битниками образа «современных дикарей» хипстеров, которые отказались от «голоса разума», тогда как сами битники отнюдь не

спешат поступать аналогично: «Битник использует хипстера, но и последний, конечно, не остается в накладе — он получает что-то большее, чем компенсацию, ибо он обретает легендарный статус, он приобретает образ иконы» [Хаустов, 2017, с. 92]. Таким образом, битничество оказывается не более чем художественным приемом, который со свойственной литературе способностью к влиянию на поведение человека сформировал целое поколение хипстерской субкультуры.

2. Философия объективизма о соотношении разума и эмоций

Способность литературы «конструировать» необходимые модели поведения эксплуатировалась и Айн Рэнд — писательницей и философом, искони считающейся частью американской культуры. Будучи травмированной последствиями Октябрьской революции, Рэнд сделала критику «антиразумных» концепций основой философии объективизма. Однако было бы неверно говорить о том, что объективизм — это философия исключительно Разума. Айн Рэнд никогда не отрицала эмоций как движущей силы человеческого сознания: дихотомия разума и эмоций виделась ей «пережитком религиозной мысли», потому что именно утверждение такой дихотомии делает возможным существование большинства современных религий. Так, в статье «Аполлон и Дионис» (“Apollo and Dionysus”, 1969—1970) Айн Рэнд говорит о том, что одним из «родоначальников» такой дихотомии в западноевропейской культуре был Ф. Ницше, предложивший два символических образа как обозначения дихотомии разума и эмоций, что нашло отражение в предпочтениях современного ей американского общества, где музыкальный фестиваль хиппи в Вудстоке вызвал больший фурор, чем полет спутника «Аполлон-11» [Рэнд, 2016a]¹.

Начиная с 1946 года Айн Рэнд разрабатывает теорию соотношения разума и эмоций, и немалую роль в этом сыграли ее отношения с Натаниэлем Бранденом [Sciabaga, 2013]. Именно ему принадлежит обоснование теории разума как объяснительной системы для эмоций. В своей статье «Психология удовольствия» (“The Psychology of Pleasure”, 1964) Бранден

1 Несмотря на явные мировоззренческие расхождения между битниками и Рэнд, исследователи указывают на совершенно парадоксальный факт: писательница являлась для самих битников своеобразной «иконой». Как отмечает J. Riggenbach, ссылаясь на социологический опрос журналистов R. Weiner и D. Stillman, проводившийся в конце 1970-х годов, имя Айн Рэнд находилось на 29-м месте из 81 позиции среди людей, оказавших наиболее сильное влияние на американскую молодежь — тех самых «битников» (наряду с Куртом Воннегутом, Ж.-П. Сартром, А. Камю, Г. Гессе, С. Де Бовуар и т. п.) [Riggenbach, 1982]. Это еще раз демонстрирует, насколько удивительным порой бывает «путешествие» великих идей.

рассуждает о важности ценностей (читай: установок разума) для выбора удовольствий. Не случайно упоминает он о «битниках» и об их манере танцевать: «Глядя на такой танец, вы увидите не улыбки подлинной радости, а пустые глаза, порывистые, неритмичные дерганья тел, словно лишенных центрального органа управления, но вместе с тем очень старательно — с истерическим надрывом — демонстрирующих полное отсутствие целей, смысла и мышления. Это “удовольствие” бессознательного существования» [Бранден, 2015, с. 82].

Объективизм развивает мысль о том, что все знание приходит от разума, однако эмоции не являются формами разума. Так, W. Thomas и D. Kelly определяют эмоции как автоматические ценностные реакции на объекты, созданные с помощью подсознательной интеграции информации и ценностных суждений [Thomas et al., 1999, с. 44]. Ученые делают вывод, что эмоции не могут являться источником знания. Он основан на двух свойствах эмоций: отсутствие сознательного контроля и отсутствие новых свидетельств для интерпретации фактов при продуцировании эмоций. А знание, как повторяют объективисты, объективно лишь в той мере, в какой оно исключает необъективное и основывается на свидетельстве. Таким образом, несмотря на признание разума единственным источником знаний, эмоции являются важной составляющей частью сознания человека (хоть и подчиненной). При этом эмоции полностью и целиком зависят от мыслей человека и его действий.

Айн Рэнд в 1961 году в эссе “For The New Intellectual” выражает свое беспокойство относительно тупика, в который зашла цивилизация Просвещения, констатируя несомненный интеллектуальный кризис, охвативший Америку. Однако в отличие от адептов концепций «социальной деструкции» главную причину она как раз видит в кризисе рационального мышления, обращении к антиинтеллектуальным теориям в философии, запускающим основные социальные процессы. Говоря о расколотой философии современности, Рэнд метафорически нарекает человека разума и человека эмоций Атиллою и Шаманом. Однако Рэнд вовсе не склонна оправдывать проект Просвещения: напротив, пафос ее работы заключается в том, что к началу XIX века западноевропейская цивилизация оказывается в расколоте состоянии: научно-материальный прогресс, которого к тому моменту достигает человечество, совершенно не соответствует уровню его духовного развития. Именно с засильем «антиконцептуального» менталитета, объявившего власть идей фикцией, а не с кризисом проекта Просвещения (который изначально был ущербен) Рэнд связывает появление «политических религий» [Rand, 1961].

Исследование природы человеческих эмоций приводит Айн Рэнд к выводу о том, что эмоции — производное разума, однако они не взаимозаменяемы. Проблема подавления эмоций, их неосознанности, по мнению Рэнд, является причиной многих человеческих конфликтов: «Я приписываю девяносто пять процентов всех психологических бед и персональных трагедий тому факту, что в области самоанализа мы на уровне дикарей (или еще ниже)...» [Рэнд, 2012, с. 254]. Самоанализ, как полагала Айн Рэнд, есть главное свойство, которому ребенок должен научиться еще в детстве, однако в большинстве случаев этого не происходит, и тогда у него формируется иррациональная «психоэпистемология»¹, на основе которой выстраивается “sense of life”² уже взрослого человека. Формирование иррационализма (болезни общества середины XX века) происходит под влиянием современной системы образования: в своей статье «Компрачикос» (“The Comprachicos”, 1970) Рэнд последовательно описывает этот процесс на каждом из этапов (детский сад, школа, университет). Искажение в процессе эпистемологического становления будущей личности происходит в результате формирования неверных бессознательных паттернов (бессознательное, по мнению объективистов, формируется под воздействием импульсов сознания), которые возникают в результате агрессивной антикогнитивной и антиконцептуальной методологии воспитания и образования. И закономерным итогом этого процесса становится движение хиппи, взрослых детей, следующих философии бездействия: «“Стиль жизни” хиппи — полная конкретизация детсадовских идеалов: никаких мыслей, никакого внимания, никакой цели, никакого труда, никакой реальности...» [Рэнд, 2016б, с. 118].

Только осмысление своих эмоций (их соединение с разумом) позволяет восстановить целостность личности: «В итоге возникает цельная, полностью интегрированная личность: разум и чувства такого человека находятся в гармонии друг с другом, а его ощущение жизни соответствует сознательным убеждениям» [Рэнд, 2011б, с. 27]. При этом отчуждение человека от реальности создает рассогласованность сознательного и бессознательного, ведущую к «блокировке» чувств и сознания. И именно такая рассогласованность (когда чувства «мстят» человеку за предательство по отношению к разуму), по мнению объективизма, и служит причиной всех бед XX века, в которых традиционно принято обвинять проект Просвещения.

1 «Психоэпистемология — это исследование когнитивных процессов с точки зрения взаимодействия между сознанием человека и автоматическими функциями его подсознания» [Рэнд, 2011а, с. 14].

2 «Ощущение жизни — это доконцептуальный эквивалент метафизики, эмоциональная оценка человека и бытия, интегрированная на уровне подсознания. Оно лежит в основе эмоциональных реакций и характера человека» [Рэнд, 2011б, с. 22].

3. «В дороге» Дж. Керуака vs. «Гимн» Айн Рэнд

Сопоставление двух текстов, написанных с двадцатилетним разрывом, объясняется тем, что роман Дж. Керуака «В дороге» (“On The Road”, 1957) — это главное произведение «бит-поколения», прославляющего дионисийскую стихию, своего рода его «программный» текст, а повесть Айн Рэнд «Гимн» (“Anthem”, 1938) написана, казалось бы, с целью прославления аполлонического начала. Однако совершенно любой текст Рэнд мог бы быть рассмотрен как оппозиция текстам битников (в том числе ее последний роман «Атлант расправил плечи», написанный одновременно с романом Керуака), так как во всех них воспроизводится одна и та же модель диалектики объективизма, данная через призму эволюции главного героя. Эту «схему» психологического роста героя в произведениях Айн Рэнд анализирует С. М. Sciabarra. По его мнению, герой Рэнд подавляет эмоции (исходящие от его разума) из-за социального давления, однако затем разум берет вверх и он начинает обретать целостность эмоций и мыслей. В качестве наиболее яркого примера он приводит эволюцию Хэнка Риардена в романе «Атлант расправил плечи», который, влюбляясь в Дагни Таггарт, подавляет в себе эти эмоции, потому что считает их (из-за стереотипов общества) греховными, однако, осознав причину своих противоречивых эмоций, перестает испытывать ощущение «расколотого» сознания [Sciabarra, 2013, с. 173]. Известна цитата из этого же романа: — *Дам тебе намек. Противоречий не существует. Если ты усматриваешь где-то противоречие, проверь исходные данные. И найдешь ошибку в одном из них* [Рэнд, 2009а, с. 253]. Данная схема является универсальной для всех художественных произведений писательницы, так как (как справедливо отмечает все тот же Sciabarra) роман Айн Рэнд фактически повторяет жанровую форму русского романа, в котором герой является воплощением абстрактного принципа, а значит, единственной формой психологического роста в нем будет преодоление психологического дуализма [Sciabarra, 2013, с. 174]. Повесть «Гимн» выбрана автором лишь потому, что рассмотреть эту модель на примере данного небольшого текста нагляднее (именно из этой повести выросли все позднейшие тексты писательницы).

Роман Дж. Керуака «В дороге» посвящен истории отношений двух друзей, Дина Мориарти и Сала Парадайза, роман повествует об их бесконечном путешествии по Америке. Созданный в формате травелога, текст представляет собой реализацию национальной американской идеи фронта: внешние пространства покорены, поэтому герои совмещают перманентное движение по дороге с перманентным же погружением в глубины дионисийской стихии (на каждой второй-третьей странице мы обнаружи-

ваем сцены беспорядочного секса, приема наркотиков, приобщения к первобытной стихии джазовой музыки).

Повесть Айн Рэнд «Гимн» обычно рассматривается как ответ писательницы на тоталитарную угрозу и утверждение проекта Просвещения. Так, М. R. Gladstein отмечает, что повесть изображает последствия идеологии коллективизма, главным и неизбежным из которых является технологическая отсталость [Gladstein, 1984, с. 34—35]. Однако, на наш взгляд, повесть может быть «прочитана» и как манифест объективизму, который, как мы уже определили выше, стремится преодолеть дихотомию «разум — эмоции».

В центре повествования «Гимна» — история героя по имени Равенство 7-2521, живущего в антиутопическом мире, в котором царит полное подчинение индивидуума коллективу, но отнюдь не это является магистральной темой произведения. Как справедливо отмечает С. Г. Шишкина, обретение «личного, индивидуального слова как начало пути возвращения к себе — основная проблематика романа-антиутопии “Гимн”...» [Шишкина, 2009, с. 174]. Слово, будучи центральным объектом критики постмодернизма, подвергается деформации в тексте Рэнд¹: исчезновение из лексикона человечества местоимения *я* приводит к ужасающим последствиям. Рэнд демонстрирует пагубные последствия коллективизма для развития личности, показывая, как тотальное усреднение интеллектуальных возможностей неизбежно приводит к тому, что главный герой, стоящий по уровню развития выше своих ровесников, оказывается вынужденным страдать из-за этого: *Итак, мы боролись против своего проклятия. Пытались забывать уроки, но всегда помнили их, пробовали не понимать того, чему учили Учителя, но всегда понимали еще до того, как они открывали рот. Мы пытались подражать Союзу 5-3992. Они были бледный мальчик, у которых не хватало половины мозга. Мы пытались говорить и делать все так, как они, чтобы быть похожими на них, но каким-то образом Учителя всегда выводили нас на чистую воду. Нас пороли чаще других* [Рэнд, 2009б, с. 11].

Роман Керуака также целиком и полностью посвящен тому, как главный герой-рассказчик предается поискам собственной целостности. Как

1 О том, что Айн Рэнд предвосхитила многие тенденции постмодернизма, свидетельствует тот факт, что в ее последнем романе «Атлант расправил плечи» (“Atlas Shrugged”, 1957) создается образ иррационального мышления, тяготеющего к фрагментарности, которое исподволь овладевает антиутопическим миром этого текста. Так, стиль мышления автора вымышленной книги «Почему вы думаете, что вы думаете?» Флойда Ферриса, которая фигурирует в романе, очень напоминает стиль мышления постмодернистских философов: отрицание доминирующей роли разума и признание тщетности познания мира посредством него.

отмечает М. Skau, сам Керуак был «одержим путаницей внутри собственной личности», называя одну часть себя — нормальной, другую — шизоидной [Skau, 2009, с. 157]. Отвержение традиционных ценностей, базирующихся на рационалистической идеологии, закономерно приводит автора к созданию «расколотых» персонажей. Так, Сал Парадайз (альтер-эго автора) просыпается в самом начале своего пути в «мрачной старой гостинице» «Равнины» и обнаруживает, что совершенно потерял свою идентичность: *И в это совершенно особое, самое удивительное мгновение моей жизни я вдруг забыл, кто я такой <...> Я не был напуган. Просто я был кем-то другим, неким незнакомцем, и вся моя жизнь была жизнью неприкаянной, жизнью призрака. Я проехал пол-Америки, добрался до пограничной линии, отделявшей Восток моей юности от Запада моего будущего, и потому, быть может, и произошло такое именно там и именно тогда, в тот странный багровый предвечерний час* [Керуак, 2015, с. 22].

Метаморфоза главного героя повести «Гимн» тоже начинается с мучительных поисков себя. В начале своего пути Равенство 7-2521 соглашается со всем, что говорит ему Мировой Совет, олицетворяющий «власть коллектива». В соответствии с доктриной объективизма, согласно которой разум определяет эмоции человека, герой отчаянно борется с желанием стать Ученым и, понимая, что это порицается обществом, вымещает эмоции путем самоповреждения: «Итак, мы мечтали о Доме Ученых. От одной мысли об этом по ночам наши руки начинали дрожать, и мы до боли кусали их, чтобы уменьшить ту, другую боль, которая была невыносима. Это так порочно <...> Человек не должен ничего хотеть для себя» [Рэнд, 2009б, с. 13].

Далее, когда Мировой Совет выносит вердикт — герой станет Подметальщиком, его эмоции оказываются подавленными (теми мыслями, которые внушаются ему со стороны социума), что очевидно даже на физическом уровне (блокировка разума вызывает блокировку тела): *Мышцы нашей шеи напряглись, когда мы поднимали голову, чтобы посмотреть на членов Совета, и мы были счастливы. Мы осознавали свою вину, но вот нам предоставлена возможность искупить ее* [Рэнд, 2009б, с. 15].

Поворотным моментом повести становится обнаружение героем подземного хода, где он устраивает собственную научную лабораторию. Избавление от вины наступает вместе с познанием тайн мира: здесь разум, обогащенный новым знанием, рождает иные эмоции, свободные от чувства вины: *И все же мы не чувствуем ни стыда, ни сожаления, называя себя предателем и злодеем, не чувствуем тяжести на душе и страха в сердце <...> А на сердце — неисповедимы пути пророка — спокойно, как никогда* [Рэнд, 2009б, с. 23—24].

Если герой Рэнд отделяется от коллективного эгрегора, то герой Керуака поступает совершенно иначе (несмотря на ожидаемый протестный пафос бит-поколения): личность Сэла стремится отождествиться с личностью Дина Мориарти, который представлен в романе эдаким новым «Иисусом Христом» — «святым шутком», как он назван в романе (как отмечает А. Крупа в своей статье, Дин Мориарти может быть интерпретирован как герой-праведник [Крупа, 2002]). Следуя за ним по дороге, Сэл все глубже и глубже погружается в дионисийскую стихию. М. Skau справедливо указывает на инфантилизацию героя, которая связана со стремлением вернуться назад, в лоно первозданной Америки, где еще ничего не освоено [Skau, 2009, с. 160]. «Неправильность» нынешней «версии» США отражается в тонкой психологической детали: во вверх тормашками поднят американском флаге, который Сэл спяну вывешивает на шестидесятифутовом шесте.

Инфантильность «бит-поколения» заключается, в первую очередь, в отсутствии целеполагания, то есть в неспособности разума к активным действиям. Характерная сцена из романа: — *Чего ты ждешь от жизни? — спросил я. ... — Не знаю, — ответила она. — Буду просто работать официанткой и жить дальше. <... > Лежа на спине, мы глядели в потолок и думали, зачем это Бог сотворил жизнь такой печальной* [Керуак, 2015, с. 69—70]¹. Вообще, Сал Парадайз на протяжении всего романа задает одни и те же вопросы разным людям, что характерно — чаще женщинам (на наш взгляд, это также связано с поисками целостности — только уже андрогинной): *К чему стремимся все мы? Чего мы хотим? Она не знала. Она зевнула. Ей хотелось спать* [Керуак, 2015, с. 298].

Дин постоянно говорит о загадочном «этом», которое олицетворяет в романе Ролло Греб — персонаж, который настолько слился с дионисийской стихией, что потерял дар речи: *Он что-то лепетал, корчился, падал на колени, стонал, выл, он в отчаянии валился наземь. Он едва мог вымолвить слово — так возбуждала его жизнь* [Керуак, 2015, с. 154]. Распад речи символизирует распад мышления: Слово как Логос больше не имеет никакого смысла, важна лишь стихия эмоций, низводящая человека на уровень сознания растения (Ролло Греб, со слов Дина, только тем и занимался, что «раскачивался взад-вперед»). Другой пример такого же рода — один из многочисленных попутчиков Сала и Дина в дороге, Хай-

1 Впоследствии литература постмодернистского неореализма доведет невозможность личностного целеполагания до полного «разложения разума». Так, весьма характерен финал романа Д. Коупленда «Поколение X: сказки для ускоренного времени» (*Generation X: Tales for an Accelerated Culture*, 1991). Рассказчик мечтает, о том, как его мозг «превратился бы в тонкую белую нить, вибрирующую, как гитарная струна, протянувшуюся в небо, в озоновый слой» [Коупленд, 2017, с. 305].

ман Соломон, который читает книгу, но не знает, как она называется: *Он и не потрудился взглянуть на название. Всмотривался он только в слова, да так, словно нашел подлинную Тору там, где ей и место, — в пустыне* [Керуак, 2015, с. 166—167].

В противовес лингвистическому «разложению» героев художественного мира Керуака, герой повести Рэнд обретает себя именно в Слове, «вспоминая» личное местоимение я. Однако он приходит к этому обретению не только путем разума, работая над познанием мира, результатом которого становится изобретение электричества, но и через воссоединение со своей женской половиной — то есть в фокусе внимания произведения оказываются также и эмоции. Именно в момент осознания своих чувств к Свободе 5-3000 герой начинает замечать эмоции и других людей: *Они [братья. — А. Г.] стояли, опустив головы, глаза их были грустны, и никогда никому из них не решиться посмотреть в глаза другому. Плечи их ссутулены, тела хилые, сжавшиеся, как будто стремящиеся стать невидимыми. И когда мы смотрим на братьев, нам в голову приходит одно-единственное слово. И слово это — страх* [Рэнд, 2009б, с. 33]. Главный герой видит неадекватность телесного проявления эмоций братьев формально постулируемому всеобщему счастью: *один из них может вдруг беспричинно расплакаться посреди дня или ночи, а другой кричит во сне...голосом, от которого холодеет сердце* [Рэнд, 2009б, с. 34].

Как верно резюмирует Д. Хаустов, Керуак (Сал Парадайз) совершает в конце романа «путешествие к целостности самого себя, воплощенное в образе дикой Мексики» [Хаустов, 2017, с. 141]. Представленная как земля обетованная, Мексика противопоставлена Америке так же, как дионисийское, стихийное начало противопоставляется аполлоническому, рациональному: *Теперь встретившиеся на дороге индейцы были похожи на жителей потустороннего мира. Это был народ, замкнувшийся в себе, горные индейцы, отрезанные от всего на свете, кроме Панамериканского шоссе...* [Керуак, 2015, с. 364]. Здесь Керуак, следуя концепции «социальной деструкции», объявляет цивилизацию ущербной по сравнению с дикими людьми Мексики. Эти люди тянулись к цивилизации, однако *им и не снилось, какое в ней царит глубокое уныние, сколько в ней жалких разбитых иллюзий* [Керуак, 2015, с. 367]. Обретение целостности в финале романа подменяется возвращением в изначальное состояние анимистического бытия, *где было положено начало всех начал, где был вскормлен и получил урок познания Адам* [Керуак, 2015, с. 344]. Хаустов трактует эту встречу человека дикого и человека цивилизованного как встречу последнего со своим истинным «Я», *где вытесненное и вытесняющее наконец-то при-*

миренны, сведены ко всеобщему образу [Хаустов, 2017, с. 141]. Однако Дин (божественное начало) предательски покидает Сала (как представителя рода человеческого): история вновь повторяется по кругу, и человек остается в экзистенциальном одиночестве.

Обретение целостности героем повести Рэнд парадоксальным образом также связано с возвращением к праистокам человечества, однако избегает противопоставления человека просвещенного и первобытного, как избегает и чувства одиночества. Ее вновь обретший себя Адам (получивший новое имя — *Прометей*) возвращает себе собственное «Я» сразу несколькими способами. Оказавшись в Неведомом Лесу — диком, заброшенном месте, где еще сохранились остатки цивилизации (разрушение которой так предрекали битники) — герой Рэнд обнаруживает себя ф и з и ч е с к и в отражении ручья: *Встав на колени перед ним, мы нагнулись, чтобы попить. И замерли. На голубом фоне перед собой мы впервые увидели собственное лицо* [Рэнд, 2009б, с. 79]. Следующий шаг — обнаружение себя э м о ц и о н а л ь н о, постижение через любовь собственной природы: *Мы одни, единственные, и любим вас одного. Душа наша разрывалась в поисках слова, но мы не нашли его* [Рэнд, 2009б, с. 87]. И слово обнаруживается лишь после того, как в руки к герою попадает Книга. Через Слово к человеку вновь возвращается осознание себя цельной личностью — к нему возвращается местоимение я: *Это случилось, когда я читал первую книгу, которую нашел в доме. Я видел слово — «я», и, когда понял его, книга выпала из моих рук и я заплакал, я, который не знал слез* [Рэнд, 2009б, с. 105]. Так происходит окончательное воссоединение частей личности через рациональное восприятие. От телесного через эмоциональное внутреннее «Я» движется к р а ц и о н а л ь н о м у, чтобы впоследствии выстраивать обратную цепочку при взаимодействии с окружающим миром: такова диалектика объективизма.

4. Заключение

Повсеместное недоверие к проекту Просвещения в эпоху постмодернизма анализируется в известной работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» (“La condition postmoderne”, 1979) [Лиотар, 1998]. «Великий герой» Просвещения теряет смысл в эпоху бессмыслицы, и это стало ясно еще в литературе битников. Со временем это недоверие к разуму и раскол внутри человеческого сознания привели к окончательному разрушению каких-либо твердых оснований, на которых покоится мир. Неопределенность и фрагментарность всего и вся, отрицание разума как движущей силы человека, дихотомия разума и чувств с предпочтением эмоциональ-

ной сферы как более «высшей» — это те черты, которые «расколотое поколение» оставило «в наследство» поколениям X и Z.

Философия объективизма в этом смысле традиционно определяется как защита просвещенческой идеологии в век наступающего со всех сторон иррационализма. Однако, как мы видим, это далеко не так, и в ее основе лежит стремление (вероятно, неудавшееся) интегрировать рациональную и эмоциональную стороны человека¹. Можно говорить о принципиально новом подходе к пониманию природы человека, который попыталась применить Айн Рэнд. Именно игнорирование этого факта и становится причиной непонимания как философии объективизма, так и художественной ценности произведений писательницы.

Возвращаясь к началу, где мы упомянули о романтизме как об одном из двух путей, по которому пошла культура Возрождения, следует сказать, что Рэнд, без сомнения, идет этим путем, но в иной форме — объединяя рационалистический проект Просвещения и романтический дух. Романтизм, как считала Рэнд, допустил фатальную ошибку, пренебрегая достижениями разума. J. Baker называет Айн Рэнд своеобразным «мостом» между «обещанием романтизма» в прошлом и «надеждой романтизма» в будущем, а также «утренней звездой» нового романтического движения, которое еще не возникло [Baker, 1987, с. 122].

Вопрос о том, как «вписывается» эта новая методология, которую Рэнд подробно изложила в своем «Романтическом манифесте» (“The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature”, 1969), в американскую культуру середины XX века, может быть ответом на вопрос, а как с а м а американская культура «выглядела» со стороны, ведь Айн Рэнд, как мы уже подчеркнули, — эмигрантка из России. Уже в 1962 году Айн Рэнд напишет о кризисе американской культуры в одной из статей «Эстетический вакуум нашего времени», где посетует на то, что человека — «его природу, его метафизически значимую сущность <...> сейчас представляют алкоголики, нар-

1 Н. Брандэн после разрыва с Айн Рэнд развивает объективистские идеи интеграции человека в ряде психологических работ: *The Psychology of Self-Esteem* (1969), *Breaking Free* (1970), *The Disowned Self* (1972), *Honoring the Self* (1983), *How to Raise Your Self-Esteem* (1986) и др. В 1994 году им была написана книга *The Six Pillars of Self-Esteem*, которая была в 2018 году переведена на русский язык и издана под названием «Шесть столпов самооценки». В этих работах автор развивает идеи Айн Рэнд, исследуя феномен самооценки человека, которая как раз и складывается из компонентов, обеспечивающих целостность человеческого «Я». До сегодняшнего дня работы Брандэна не получили должного внимания в аспекте развития идей объективизма в психологии, причиной чему является, конечно, разрыв писательницы со своим талантливым студентом. О возможности нахождения таких связей и их несомненной плодотворности для понимания философии Айн Рэнд см. работу [Sciabarra, 2013].

команы, сексуальные извращенцы, маньяки-убийцы и психопаты» [Рэнд, 2011в, с. 125]. Причину она видит, как это ни парадоксально, в том, что человечество поверило в автоматический прогресс, который не состоялся и состояться не мог по причине диспропорции в развитии разумной и эмоциональной сфер человечества.

Таким образом, философия объективизма во многом опередила свое время и оказалась непонятой в контексте времени. Ранняя повесть писательницы «Гимн» предвосхищает многие художественные открытия ее романов, и ее прочтение в русле объективистской антропологии представляется весьма актуальным — так же, как и ее «встраивание» в контекст современной ей американской культурной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адорно Т.* Диалектика просвещения : философские фрагменты [Электронный ресурс] / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. — Режим доступа : <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521>.
2. *Бранден Н.* Психология удовольствия / Н. Бранден. — В книге : Рэнд А. Добродетель эгоизма (с добавлением статей Натаниэля Брандена) / А. Рэнд. — Москва : Альпина Паблишер, 2015. — С. 77—85. — ISBN 978-5-9614-1462-2.
3. *Вершинин С. Е.* Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ) / С. Е. Вершинин, Г. А. Борисова. — Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2009. — 126 с.
4. *Керуак Дж.* В дороге / Дж. Керуак. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 384 с.
5. *Коупленд Д.* Поколение X: Сказки для ускоренного времени / Д. Коупленд. — Москва : АСТ, 2017. — 320 с.
6. *Крупа А.* Дин Мориарти как герой-праведник [Электронный ресурс] / А. Крупа. — Режим доступа : <http://www.fiction-9.narod.ru/keruakt2.2.htm>.
7. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — 160 с.
8. *Рэнд А.* Гимн / А. Рэнд. — Москва : Альпина Паблишерз, 2009. — 112 с.
9. *Рэнд А.* Психоэпистемология искусства / А. Рэнд // Романтический манифест : философия литературы. — Москва : Альпина Паблишер, 2011. — С. 11—21.
10. *Рэнд А.* Философия и ощущение жизни / А. Рэнд // Романтический манифест : философия литературы. — Москва : Альпина Паблишер, 2011. — С. 22—31.
11. *Рэнд А.* Эстетический вакуум нашего времени / А. Рэнд // Романтический манифест : философия литературы. — Москва : Альпина Паблишер, 2011. — С. 123—128.
12. *Рэнд А.* Введение в объективистскую эпистемологию / А. Рэнд. — Москва : Астрель, 2012. — 351 с.
13. *Рэнд А.* Аполлон и Дионис / А. Рэнд // Возвращение примитива. Антииндустриальная революция. — Москва : Альпина Паблишер, 2016. — С. 125—148.
14. *Рэнд А.* Компрачикос / А. Рэнд // Возвращение примитива. Антииндустриальная революция. — Москва : Альпина Паблишер, 2016. — С. 72—122.

15. *Тарнас Р.* История западного мышления (страсти западного ума) / Р. Тарнас. — Москва : Крон-Пресс, 1995. — 448 с.
16. *Тодоров Ц.* Дух Просвещения / Ц. Тодоров. — Москва : Московская школа политических исследований, 2010. — 120 с.
17. *Хаустов Д.* Битники. Великий отказ, или Путешествие в поисках Америки / Д. Хаустов. — Москва : РИПОЛ классик, 2017. — 300 с.
18. *Шишкина С. Г.* Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке / С. Г. Шишкина. — Иваново : Иван. гос. хим.-технол. ун-т, 2009. — 230 с.
19. *Baker J.* Ayn Rand / J. Baker. — Boston : G.K.Hall&Co, 1987. — 192 p.
20. *Gladstein M. R.* The Ayn Rand Companion / M. R. Gladstein. — Westport : Greenwood press, 1984. — 148 p.
21. *Rand A.* For The New Intellectual / A. Rand // For the New Intellectual. — New York : Random House Inc., 1961. — P. 7—48.
22. *Riggenbach J.* The Disowned Children of Ayn Rand [Electronic Resource] / J. Riggenbach. — Access mode : <https://reason.com/1982/12/01/the-disowned-children-of-ayn-r>.
23. *Russell J.* The Beat Generation / J. Russell. — Harpenden : Pocket Essentials, 2002. — 94 p.
24. *Sciabarra C. M.* Ayn Rand. The Russian Radical / C. M. Sciabarra. — Pennsylvania : Pennsylvania State University Press, 2013. — 526 p.
25. *Skau M.* The Making of Paradise / M. Skau // What's Your Road, Man? Critical essays on Jack Kerouac's On The Road / H. Holliday; R. Holton (eds.). — Carbondale : Southern Illinois University Press, 2009. — P. 155—168.
26. *Thomas W.* The Logical Structure of Objectivism: "Beta" Version. — 1999. [Electronic Resource] / W. Thomas, D. Kelly. — Access mode : <https://atlassociety.org/sites/default/files/LSO%20Binder.pdf>.

IN SEARCH OF INTEGRITY: AYN RAND'S NOVEL "THE ANTHEM" AND J. KEROUAC'S NOVEL "ON THE ROAD"

© **Anastasia V. Grigorovskaya (2020)**, orcid.org/0000-0002-9282-313X, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and Foreign Literature, University of Tyumen (Tyumen, Russia), a.v.grigorovskaya@utmn.ru.

The article is devoted to the analysis of the novel "Anthem" (1938) by Ayn Rand (Alice Rosenbaum), an American writer and philosopher from Russia. The purpose of the article is to consider the story as a manifesto of objectivism, including it in the context of philosophical and cultural searches of the 20th century caused by the crisis of the Enlightenment project. The tasks are the analysis of ways to overcome this crisis in the philosophical and artistic searches of Ayn Rand and the relationship of these searches with the concepts of "social destruction" and the philosophy of "beat generation". The story "Anthem" is considered in the context of the concept of the philosophy of objectivism formulated by the writer and the image of "integrated man" created by her — an integral man. The relevance of the study is due to the fact that the author includes the ideas of objectivity in the context of time, showing their relevance to the discussions on the Enlightenment project and the special role of these

discussions in American culture of the mid-20th century, in a situation of “split”. The results of a comparative analysis of the story with one of the main works of the “beat generation” - the novel by J. Kerouac “On the Road” (1957) are presented. As a result, the difference in the ways of searching for integrity by the heroes of two texts is revealed: if the Rand’s hero integrates the emotional and rational principles, the hero of Kerouac separates them, further aggravating the conflict between them.

Keywords: Ayn Rand; objectivism; beat generation; Enlightenment project; Jack Kerouac.

REFERENCES

- adorno, T., Khorkkхайmer, M. *Dialektika prosveshcheniya: filosofskiye fragmenty*. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521>. (In Russ.).
- Baker, J. (1987). *Ayn Rand*. Boston: G.K.Hall&Co.
- Branden, N. *Psikhologiya udovol'stviya* (2015). In: Rend, A. *Dobrodetel' egoizma (s dobavleniyem statey Natanielya Brandena)*. Moskva: Alpina Publisher. 77—85. ISBN 978-5-9614-1462-2. (In Russ.).
- Gladstein, M. R. (1984). *The Ayn Rand Companion*. Westport: Greenwood press.
- Kerouac, J. (2015). *V doroge*. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russ.).
- Khaustov, D. (2017). *Bitniki. Velikiy otkaz, ili Puteshestvie v poiskakh Ameriki*. Moskva: RIPOL klassik. (In Russ.). (In Russ.).
- Kouplend, D. (2017). *Pokoleniye X: Skazki dlya uskorenogo vremeni*. Moskva: AST. (In Russ.).
- Krupa, A. *Din Moriarti kak geroy-pravednik*. Available at: <http://www.fiction-9.narod.ru/keruakt2.2.htm>. (In Russ.).
- Liotar, Zh.-F. (1998). *Sostoyaniye postmodernnaya*. Moskva: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Rand, A. (1961). For The New Intellectual. In: *For the New Intellectual*. New York: Random House Inc. 7—48.
- Rend, A. (2009). *Gimm*. Moskva: Alpina Publisher. (In Russ.).
- Rend, A. (2011). Esteticheskiy vakuum nashego vremeni. In: *Romanticheskiy manifest: filosofiya literatury*. Moskva: Alpina Publisher. 123—128. (In Russ.).
- Rend, A. (2011). Filosofiya i oshchushcheniye zhizni. In: *Romanticheskiy manifest: filosofiya literatury*. Moskva: Alpina Publisher. 22—31. (In Russ.).
- Rend, A. (2011). Psikhoeπισtemologiya iskusstva. In: *Romanticheskiy manifest: filosofiya literatury*. Moskva: Alpina Publisher. 11—21. (In Russ.).
- Rend, A. (2012). *Vvedeniye v obyektivistskiy epistemologiyu*. Moskva: Astrel. (In Russ.).
- Rend, A. (2016). Apollon i Dionis. In: *Vozvrashcheniye primitiva. Antiindustrialnaya revolyutsiya*. Moskva: Alpina Publisher. 125—148. (In Russ.).
- Rend, A. (2016). Komprachikos. In: *Vozvrashcheniye primitiva. Antiindustrial'naya revolyutsiya*. Moskva: Alpina Publisher. 72—122. (In Russ.).
- Riggenbach, J. *The Disowned Children of Ayn Rand*. Available at: <https://reason.com/1982/12/01/the-disowned-children-of-ayn-r>.
- Russell, J. (2002). *The Beat Generation*. Harpenden: Pocket Essentials.
- Sciabarra, C. M. (2013). *Ayn Rand. The Russian Radical*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press.
- Shishkina, S. G. (2009). *Istoki i transformatsii zhanra literaturnoy antiutopii v XX veke*. Ivanovo: Ivan. gos. khim. tekhnol. un-t. (In Russ.).

- Skau, M. (2009). The Making of Paradise. In: Holliday, H.; Holton, R. (eds.). *What's Your Road, Man? Critical essays on Jack Kerouac's On The Road*. Carbondale: Southern Illinois University Press. 155—168.
- Tarnas, R. (1995). *Istoriya zapadnogo myshleniya (strasti zapadnogo uma)*. Moskva: Kron-Press. (In Russ.).
- Thomas, W., Kelly, D. (1999). *The Logical Structure of Objectivism: "Beta" Version*. Available at: <https://atlassociety.org/sites/default/files/LSO%20Binder.pdf>.
- Todorov, Ts. (2010). *Dukh Prosveshcheniya*. Moskva: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. (In Russ.).
- Vershinin, S. E., Borisova, G. A. (2009). *Kontseptsiya sotsialnoy destruktzii Frankfurtskoy shkoly (istoriko-filosofskiy analiz)*. Yekaterinburg: Ros.gos.prof.-ped.un-t. (In Russ.).